

The image is a movie poster for the Russian film 'The Forester' (Леший). It depicts a dense, misty forest with tall evergreen trees. Sunlight filters through the canopy, creating a hazy atmosphere. A line of heavy-duty trucks, heavily loaded with cut logs, is parked along a dirt road that winds through the forest. Two men in work clothes and hard hats stand near the trucks. In the foreground, on the right, a man with a long white beard and a dark hooded coat stands looking towards the camera. The ground is covered with moss and ferns. The title 'ЛЕШИЙ' is written in large, dark, hand-painted letters at the bottom, and the name 'СЕРГЕЙ СИБИРСКИЙ' is at the top.

СЕРГЕЙ СИБИРСКИЙ

ЛЕШИЙ

16

Сергей Сибирский Леший

<https://litres.ru/74676797>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тайга вырубается беспощадно. В слепой жажде богатства люди рушат свой дом - природу. Но что если на страже тайги что-то стоит? Рассказ основан на мотивах славянского фольклора.

Сергей Сибирский

Леший

Утро в глухой сибирской тайге редко бывает добрым. Чаще оно влажное, серое и тяжёлое, будто небо опустилось ниже крон вековых кедров, чтобы придавить всё живое к земле.

Прораб Виктор должен был встать в 6:58. Он всегда просыпался за две минуты до будильника — привычка, выработанная годами вахты, когда лишний сон означал сорванные сроки и гнев московского офиса. Но сегодня проспал.

Он сел на узкой койке, потёр лицо, чувствуя, как грубая щетина царапает ладони, и первым делом глянул на часы. Полдесятого. А лагерь будто вымер. Ни лязга цепей, ни надрывного воя моторов, ни визга пил — вообще ничего. Только эта вязкая, тяжёлая тишина, которая казалась громче любого шума.

Виктор встал, натянул тяжёлые ботинки, привычным движением щёлкнул зажигалкой и поставил чайник на однокомфорочную газовую плитку. Пламя шикнуло и занялось, но даже этот звук прозвучал здесь неестественно громко, будто нарушал какой-то неписанный запрет.

Он подошёл к мутному окошку и выглянул наружу. Утро было серым и плотным. Туман стелился по земле, обвивая опоры вагончиков и цепляясь за углы техники. Вдали, у самой кромки леса, плотной кучкой стояли рабочие. Они не

курили, не спорили, не смеялись — они махали руками, указывая вглубь тайги, и их жесты были похожи на отчаянные мольбы.

Кровь ударила в виски. Виктор знал цену простою. Он знал, сколько стоит каждая минута простоя такой бригады, и знал, кто будет виноват, если отчёт в Москву уйдёт с минусовым балансом.

— Да чтоб вас... — процедил он сквозь зубы, застёгивая куртку.

Выйдя на улицу, он сразу почувствовал, как воздух изменился. Он стал плотнее, тяжелее, будто пропитался запахом прелой хвои, сырой земли и чего-то ещё — старого, дикого, почти звериного. Этот запах не был просто запахом леса; он был предупреждением.

Разозлившись он пошёл к рабочим, чеканя шаг по сырой земле.

— Что стоите?! — рявкнул он ещё издали. Голос прозвучал резко, но в глубине души он сам вздрогнул от этого звука. — Почему никто не работает? Премии лишу, всех до единого!

Рабочие обернулись. На их лицах не было привычной усталости или раздражения. Там был страх. Глухой, первобытный страх, который не скроешь за маской рабочего человека.

Бригадир, старый и молчаливый Степан, сплюнул на землю и кивнул в сторону леса:

— Там старец пришёл. Из лесу. Говорит, нельзя лес валить. Запрещает.

Виктор выдохнул, выплескивая ярость. Среди рабочих стоял высокий старик. На нём было длинное тёмное пальто, сшитое из медвежьей шкуры, с капюшоном, скрывавшим лицо. мех был тёмным, почти чёрным, сливаясь с тенью леса.

Гнев снова вспыхнул в груди прораба.

— Какой ещё старец?! — заорал Виктор, подходя вплотную. — Ты кто такой? Откуда взялся? Кто дал право запрещать работникам лес валить?!

Старик медленно повернул голову. Капюшон чуть съехал, открыв седые, почти белые волосы, прилипшие к худому, обветренному лицу. Кожа была сухой, как старая береста, покрытая глубокими морщинами.

Но глаза...

Когда старик посмотрел на Виктора, тот на секунду замер. Глаза были как два глубоких синих озера, но без отражения, без жизни. Настолько глубокие, что сначала прорабу показалось, будто у старика вовсе нет глаз — только тёмные отверстия на лице, ведущие в какую-то бесконечную пустоту.

— Я давно живу здесь, — голос старика был низким, скрипучим, как старые деревья на ветру. — В лесу. Этот лес — священный. Рубить его нельзя. Иначе напасть падёт на тех, кто рубит, а потом придёт смерть.

Виктор отмахнулся, словно отгоняя наваждение.

— Уходи, старый глупый пень! Не мешай людям работать!

— сказал он, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Вырубки не будет, — спокойно ответил старик. — Я не дам.

Тут гнев прорвался окончательно. Виктор шагнул вперёд, пытаясь подавить его шириной своих плеч.

— Ты кем себя возомнил, придурок старый?! — голос прораба дрожал от ярости. — Ты знаешь, кому принадлежит эта компания, где мы работаем? Одному из первых людей в России! Ты проблем захотел на старости лет? Пошёл вон отсюда! Избушку твою найдём и спалим, если мешать будешь!

Старик лишь грустно посмотрел на всех собравшихся. В его взгляде не было злости, только бесконечная усталость, будто он видел эту сцену тысячу раз и знал, чем она закончится. Он развернулся и пошёл обратно в лес, ступая мягко, бесшумно, словно земля сама расступалась перед ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.